

ПРИНЦИПЫ НОВОЙ ЭТИКИ ТРУДА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

В статье предпринята попытка обосновать гипотезу о возникновении новой этики труда в рамках позднего капитализма. Особое внимание уделено проблеме изменения смысла и ценности труда для человека. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что современный труд осуществляется в союзе человека и техники, а главным вознаграждением за труд становится самореализация. Современный труд, с одной стороны, предполагает интенсификацию трат и рост потребления, а с другой – необходимость широкого спектра навыков и умений.

Ключевые слова: этика труда, поздний капитализм, самореализация, саморазвитие, самосоздание, человеческий капитал, условия труда

The principles of the new work ethic of late capitalism. OLEG G. NESTEROV (HSE University, Moscow)

The article attempts to substantiate the hypothesis about the emergence of a new work ethics within the framework of late capitalism. Particular attention is paid to the issue of changing the meaning and value of labour for a person. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that modern labour is carried out in the union of man and technology, and the main reward for it is self-realization. Modern labour involves, on the one hand, intensified spending and increased consumption, and on the other hand, the need for a wider range of skills and abilities.

Keywords: work ethics, late capitalism, self-realization, self-development, self-creation, human capital, working conditions

Введение

Сегодня мы наблюдаем изменение отношения к труду, смысла и ценности труда для человека. Изменение этики труда происходит на фоне трансформации самого труда в современном мире. На смену классическому труду приходит нематериальный, интеллектуальный и креативный труд. Рабочее время человека становится пористым. От сотрудников ожидают доступности в режиме 24/7. Человек освобождается от территориальной фиксации – современную работу зачастую можно выполнять

дистанционно. В свою очередь последнее делает доступными для человека другие образы жизни, что предполагает различные социальные феномены: пористость свободного времени [15], путешествия и туристические туры за пределами отпусков (отдых, путешествие, отпуск срастаются с работой и рабочим временем), миграция населения из крупных городов на более экологически чистые территории – поселки, малые города, области (мегаполисы теряют часть своих магнитных свойств). С другой стороны, возрастают социально-экономические

* НЕСТЕРОВ Олег Георгиевич, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: oleg-nesterov_1996@mail.ru

© Нестеров О.Г., 2024

риски сокращения рабочих мест. Происходит снижение социальной защищенности работников – прекаризация и гиг-занятость [11]. Растет расслоение в уровне жизни, распределении свободного времени и условиях труда между богатыми и бедными, между креативным классом и прекариатом. Появляются утопические концепции отказа от труда и этики труда. Вместе с этим сегодня в этике труда действительно происходят заметные перемены. Постулаты традиционной и протестантской этики труда утрачивают актуальность.

Под традиционной этикой труда понимается раннехристианская, предполагающая амбивалентное отношение к труду – с одной стороны, как к наказанию за грехи, с другой – как к сотворчеству с целью прославления Бога. Труд являлся средством практики аскезы и воспитания дисциплины. Протестантская этика труда предполагала честный добросовестный труд, накопительство, обогащение, экономию и сдержанность в тратах для обеспечения себя и близких необходимым, сдержанность в демонстрации роскоши. В качестве вознаграждения за труд выступал не только материальный успех, но и нематериальное утверждение в «избранности»: успех являлся признаком божественного одобрения [3]. Протестантская этика способствовала отношению к труду как к профессиональному призванию. Человек стремился достичь мастерства и максимального результата в своей деятельности. Этика труда в Советском Союзе отличалась культивированием труда: «...СССР – воплощение идеи индустриального государства, цивилизации труда» [18, с. 11]. Труд считался обязанностью добропорядочного гражданина, долгом перед обществом [12]. С другой стороны, культура советского труда, наследуя «православную трудовую этику» [9], характеризовалась коллективизмом, трудоцентризмом, сотрудничеством, но в то же время предполагала отчуждение, что являлось следствием новой организации труда. Как и в случае с протестантской этикой, рабочий мыслил свою жизнь зачастую в рамках одной профессии и предприятия. Труд не только определял распорядок дня человека, но и способствовал поддержанию традиционных отношений в семье [1; 2].

Автоматизация, цифровизация, индивидуализация, приход нематериального труда на смену классическому, гибкие контракты занятости, рост креативного класса и прочее привели к изменению этики труда. О ее изменении в латент-

ной форме пишут многие мыслители современности [4; 7; 16; 17; и др.]. Современная этика труда до недавнего времени оставалась для европейских обществ в большей степени протестантской, а в странах бывшего СССР наследовала принципы труда советской идеологии. Как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель: «После этого (возникновения постиндустриального общества. – прим. авт.) переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс – переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации» [7, с. 39]. Сегодня мы являемся свидетелями появления новой этики труда, направленной на совершенствование человека, союз человека и техники, развитие новых форм профессиональных коммуникаций и бережного отношения к природе.

Симбиоз человека и техники

Новая этика труда в существенной степени формируется под воздействием изменившегося отношения человека к технике. В то время как для луддитов было характерно враждебное отношение к ней, а индустриализация, разделение труда и распространение конвейерного способа производства сформировали образ человека как придатка машины [13], отношение к технике современного человека сопряжено с надеждой на то, что она позволит сделать жизнь человека лучше. О союзе человека и техники можно судить по распространению гаджетов и высоких технологий в качестве ключевых средств производства и перемещению различных видов деятельности в виртуальный мир [5; 6; 29]. Представители креативного класса, работники сферы образования и услуг, прекариат – большинство так или иначе использует возможности современной техники для осуществления своих рабочих обязанностей. Непрерывный выход нового программного обеспечения и изобретение новых технологий открывают перед человеком новые возможности жизни, развития, потребления и труда. Новые технологии, программы и техника требуют от человека непрерывного образования и периодического переобучения. Знание технологий и умение работать с новыми, «передовыми» востребованными программами становятся конкурентными преимуществами работника на рынке труда.

Сегодня человек не является придатком машины, а находится в процессе сосуществования и кооперации с техникой. Он становится частью техники точно так же, как и техника становится частью человека. В одном из интервью Илон Маск высказал мнение, что современный человек уже сегодня является «киборгом» потому, что гаджеты, в частности смартфоны, стали неотъемлемой частью человека, а человеческая память «отдана компьютерам на аутсорсинг» [28]. Действительно, гаджет сопровождает человека в течение дня и ночи, является продолжением человека, открывающим вход в мир виртуального пространства, дистанционной коммуникации и нематериального цифрового труда, дающим доступ к большому количеству всевозможной информации и контента, образовательным курсам и программам.

Согласно Ж. Симондону, отношение человека к взаимодействию с техникой как к со-участию и со-творчеству, что требует глубокой технической экспертизы работников, образования профессиональных сообществ и коллективов, способствует уменьшению до-капиталистического отчуждения человека. Такое отношение к технике Ж. Симондон определяет как трансиндивидуальное: «Технический объект, взятый в своей сущности, то есть такой, каким человек его изобрел, помыслил ... и признал, становится опорой и символом этого отношения, которое мы хотели бы назвать трансиндивидуальным» [37, р. 252]. С другой стороны, Б. Стиглер, наследник и критик идей Симондона, подчеркивает, что техника является фармаконом¹. По мнению мыслителя, союз техники и человека является временным, если не предпринять превентивных усилий, поскольку в перспективе современные технологии и автоматизация могут привести к де-профессионализации, утрате технического знания, остановке «событийного» времени и исчезновению интеллектуального труда: «...Цифровому мозгу неотвратимо суждено оказываться медленно, но верно закороченным автоматами и неспособным составлять новую форму общества с другими цифровыми мозгами – и тогда время просвещения заменит общество политическое обществом автоматическим» [20]. Вопреки представлениям

¹ Понятие «фармакон» (φάρμακον) означает одновременно лекарство и яд, отражая один из древнейших принципов медицины: лекарство может становиться ядом, а яд в определенной дозировке может оказывать лечебный эффект.

Симондона о том, что трансиндивидуальные профессиональные коллективы, в которых функционируют технические ансамбли [37], могут быть основой будущего труда, поздний капитализм порождает обезличенных автономных агентов труда, а автоматизация вновь продуцирует отчуждение человека от глубокого технического знания и адекватного восприятия реальности. По этой причине Стиглер является апологетом культуры «де-автоматизации» с целью защиты ценности интеллектуального труда и профессионального общения. Идеи мыслителя проблематизируют популярную сегодня повестку «акселерационизма» и ставят вопрос о пределах синергии человека и техники. Однако двух мыслителей сближает надежда на абсолютный союз человека и техники, а также вера в необходимость профессиональной коммуникации на основе технического знания.

Общество «само-предприятий»

В отличие от протестантской этики и этики труда в Советском Союзе, в рамках которых работник оставался верным своему делу и компании, современные работники перестают быть лояльными работодателям и могут кардинально менять сферу деятельности в течение трудовой жизни, что является следствием: уменьшения социальной ответственности компаний перед работниками [22], что ведет к снижению доверия работодателю со стороны работников [10]; роста требований к спектру профессиональных навыков и компетенций сотрудников (сегодня ценится разноплановый опыт, умение работать с различными технологиями, понимание достоинств и недостатков различных технических и технологических решений) [25]; быстрого развития техники и технологий (устаревание или обесценивание одних профессий в пользу новых или других); прочих причин текучести кадров, среди которых – различие в заработных платах новых и старых работников, условиях труда и пр.).

Изменения в отношениях происходят не только между работодателем и сотрудником, но и между коллегами. Индивидуализация вместе с характерным для капитализма духом конкуренции не способствует формированию долгих устойчивых связей [1; 2]. П. Коллиер отмечал рост недоверия как один из симптомов «болезни» современного капитализма [10]. Если в советском обществе между работниками одного завода существовали отношения взаимопомо-

щи и товарищества, то сегодня работники становятся отдельными автономными «предприятиями», реализующими конкретную функцию и выполняющими «заказы» (задания) друг для друга. Креативный труд требует более гибкой системы взаимоотношений [25]. Распространение гибких систем управления (Agile, Scrum, Kanban и пр.) стремится свести отношения руководителей и подчиненных до уровня равноправных «коллег», сосредоточенных на отдельных сферах ответственности. В свою очередь это означает, что выводы об отношениях между работниками становятся верными как для горизонтальных, так и для вертикальных организационных связей.

М. Фуко предвосхитил возвышение «человеко-предприятия» – антрепренера себе самому, «который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов» [23, с. 285]. Затем А. Горц расширил представление о человеке как о «само-создании»: «Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности и мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время» [4, с. 31]. В данной статье мы говорим об эволюции «само-предприятия» от осознания себя до формирования отношения к «другому» как к автономному «само-предприятию». Работники сегодня выполняют отдельные функции. Их общение сводится к обмену «заявками на работу» (задачами), сообщениями по электронной почте и в мессенджерах, разговорам по мобильной и видеосвязи с целью уточнения информации о ходе выполнения работ. Такому положению дел способствует распространение дистанционного и гибридного (полу-дистанционного) форматов работы. Работники отдаляются друг от друга, обретая все большую независимость как в организации рабочего дня, так и при непосредственном выполнении работы. При этом совершенствование технологий и процессов требует от работников соответствующей консистентности знаний, навыков и умений. Общение автономных агентов-работников предполагает, что каждый участник взаимоотношений развивает себя с целью соответствия развитию профессиональных и рабочих контекстов. Таким образом профессиональная переподготовка и повышение квалификации становятся перманентной обязанностью современного работника, желающего сохранить конкурентоспособность на рынке

труда. Культура мышления себя как «само-создания» сформировала адекватное восприятие «других» как подобных «само-предприятий», вписывая человека в систему позднекапиталистических рабочих взаимоотношений. Система начала воспроизводить саму себя.

Труд как саморазвитие и саморазвитие как труд

Сегодня происходит трансформация классического труда в цифровое «творчество» [5], интеллектуальный труд [4], техническую [17; 20; 21; 33; 37] и креативную [25] деятельность. Труд становится процессом, способствующим развитию человека. Критериями успеха новой деятельности становятся популярность, выраженная в количестве подписчиков и прочих характеристиках охвата и активности аудитории в социальных сетях [5] и на платформах [19], уважение профессионального сообщества, «статус» как индикатор достижения определенного уровня знаний и умений, самореализация как самоосуществление, как реализация личных интенций.

Вместе с тем «саморазвитие» становится всепоглощающим «бесплатным» трудом. Под влиянием конкурентной среды на рынке труда и культурных изменений досуг и отдых становятся частью работы и, соответственно, рабочего времени, в которое человек занимается развитием профессиональных навыков и умений и приращением профессионального знания, накапливая «человеческий капитал»: «Такие традиционные “дресс-коды” капиталистического способа производства, как “трудолюбие” и “платежеспособность”, дополняются более современно звучащими “креативностью”, “позитивностью”, “коммуникабельностью”, формируя так называемый человеческий капитал, что позволяет эксплуатировать интеллектуальную, эмоциональную и социальную стороны природы человека» [16, с. 160].

Постулатом новой этики труда становится лозунг «развивай себя», где «развитие» должно пониматься в широком смысле слова, как всестороннее совершенствование человека. Необходимость постоянного обучения и конкурентная среда формируют новые принципы труда. Современный человек не просто должен быть «предприятием для себя» – он должен заниматься оптимизацией и совершенствованием процесса само-создания, следить за эффективностью и результативностью соответствующе-

го труда. Продуктивность и прагматичность становятся атрибутами выбора и организации труда. При этом навыки, умения и знания требуют дополнительных затрат: «Что значит формировать человеческий капитал, формировать ... виды компетенций-машин ...? Это значит ... заниматься ... образовательными инвестициями» [23, с. 289].

От накопительства к максимизации потребления

Как отмечает Б.Н. Миронов, современную этику труда можно считать «гедонистской», что выражается в том, что современный человек трудится преимущественно ради потребления [14]. Потребительство предполагает максимизацию трат, что в свою очередь создает новые образы жизни – например, «жизнь в кредит». Растущее потребление свидетельствует о де-актуализации ценности «умеренности». Современный человек стремится не к накоплению, а к увеличению индивидуальной «платежеспособности» (возможности в случайный момент времени удовлетворить все свои потребности и желания), что предполагает постоянное стремление к увеличению заработка, отчасти обуславливающее современный труд-центризм [18]. Интенсификация потребления предполагает, что человек не стремится иметь собственность (машины, дома и пр.), а все чаще прибегает к аренде («sharing economy»). В свою очередь это означает наличие свободных средств, которые, с одной стороны, обмениваются на потребление, а с другой – инвестируются с целью извлечения «ренды». Рента также способствует потребительскому образу жизни, но в то же время является «допингом» в формировании новых образов жизни и новой этики труда. С другой стороны, сегодня утратил свою актуальность постулат протестантской этики, предполагающий «сдержанность» в демонстрации роскоши. Демонстрация светского досуга, потребления, превосходства, богатства и экспертности становятся атрибутами современной культуры, частью цифровой деятельности и новым источником ренты, о чем можно судить, например, по характеру и сюжетам публикаций пользователей популярных сегодня социальных сетей.

Все перечисленное также меняет отношение человека к труду, призванию, образованию и человеку как таковому. Изменению представлений о человеке способствуют новые гибкие

условия труда, которые становятся сегодня имманентным вознаграждением за труд.

Новые вознаграждения за труд

Сегодня мы можем говорить о том, что постулат традиционной этики труда – «вознаграждение за труд» – продолжает сохранять свою актуальность. Однако имеет место изменение представлений человека о сути вознаграждения. В протестантской этике вознаграждением за труд считался успех в деятельности, как следствие «избранности» и божественного благословения. В советском обществе труд был гарантом «стабильности» семейных и социальных отношений. В капиталистической этике вознаграждением за труд являются деньги, статус и возможности потребления. В рамках позднего капитализма в качестве вознаграждения выступает, во-первых, самореализация (самоосуществление и реализация личных интенций), общественное признание или признание определенной социальной группы (профессиональное сообщество, коллеги, семья, клиенты и т.д.), во-вторых, синтетическая свобода в виде новых гибких условий труда и возможности ведения гибких образов жизни, свобода и доступность заработка, информации, действий, перемещений и т.д.; в-третьих, расширенные возможности потребления, которое может являться одновременно и условием труда (поскольку потребление является объектом демонстрации), и его содержанием², и вознаграждением. Первый и последний феномены были рассмотрены в статье ранее. Далее будет рассмотрен подробнее феномен синтетической свободы. Это понятие, введенное Н. Срничеком и А. Уильямсом, означает не только «формальную» либеральную свободу «невмешательства», но также и наличие средств на ее реализацию. Например, формальная свобода человека на перемещение ограничена тем, что перемещение на большое расстояние или преодоление природных преград требует денежных

² Наверное, крайним примером потребления как труда является демонстрация поедания различных блюд, сопровождаемая описанием своих впечатлений. Данный формат видеоконтента, примеры которого легко найти в Интернете, называется «обзор» – неологизм, сформированный из слов «обзор» и «обжорство». Поконкурировать с этим трудом, вероятно, смогут только мусанги, производящие самый дорогой в мире кофе «Kopi-luwak Wild» путем поедания и переваривания кофейных ягод.

средств. Синтетическая свобода предполагает не только формальную возможность, но и наличие необходимых ресурсов для ее реализации. В основе синтетической свободы лежит различие реальной и формальной свободы. Ф. Ван Парайса: «...В отличие от формальной свободы, реальная свобода – это не только вопрос наличия права делать то, что человек, возможно, хотел бы делать, но и вопрос наличия средств для этого» [31, р. 4]. Синтетическая свобода приходит на смену либеральной, «негативной» свободе. Как отмечает Ф.А. фон Хайек, различие между «позитивной» и «негативной» свободой впервые проведено Т. Грином [30] и в конечном итоге восходит к Гегелю [27, с. 39]. Тем не менее следует отметить, что различие «негативной» и «позитивной» свободы проводилось еще раньше и восходит по меньшей мере к И. Канту [8, с. 104–105]. «Негативной» называют свободу от внешнего вмешательства, в то время как «позитивной» свобода становится только в результате ее апроприации и последующего использования [27, с. 39].

Сегодня синтетическая свобода становится новым «вознаграждением» за труд, поскольку предполагает наличие гибких условий труда, возможности дистанционной и гибридной работы, гиг-занятости (предполагающей работу несколько дней в неделю или только в определенные часы), пористости рабочего времени. Отсутствие непосредственного контроля (наблюдения) за деятельностью работника вместе с переходом к контролю результатов труда (в рамках гибких методологий управления и концепции управления целями [39]) усиливает гранулярность пористости, поэтому сегодня можно говорить о дисперсии рабочего времени и его практически полной диффузии со свободным. Новые условия труда создают плацдарм для всестороннего развития человека. Однако, чтобы адекватно вписать человека в новые принципы труда, человеку необходимо измениться.

Изменение человека как плацдарм для новой этики труда

Труд будущего тесно связан с феноменом постчеловека и этикой как таковой. Если сегодня человек пытается понять, что он такое, то в обществе будущего человеку необходимо изобрести себя заново путем экспериментов и исследования границ своих и общественных возможностей [19, с. 121]. Расширение синтетической свободы означает масштабный про-

ект по переосмыслению привычных ценностей и социальных практик: «Свобода проявляется множеством способов – среди них экономические и политические, эксперименты с сексуальностью и репродуктивными структурами, появление новых желаний, расширение эстетических способностей, новые формы мышления и доказательства и, наконец, совершенно новые способы быть человеком. Расширение пространства желаний, потребностей, стилей и образа жизни, сообществ, возможностей – все это пробуждается к жизни проектом всеобщего освобождения» [19, с. 260–261]. Труд будущего сконцентрирован на расширении границ возможного и привычного: «Искусственная жизнь, киборгизация, синтетическая биология и технологически опосредованная репродукция – примеры такой работы. Тем самым общей целью должен стать непрерывный проект по высвобождению всех существующих потребностей и превращению их в стройматериал для создания будущей свободы» [19, с. 120]. Непрерывность предпринимаемых усилий, вечный поиск лучшего будущего, попытки расширить границы возможного, пересборка привычного и постоянное переизобретение себя меняют этику труда, формируя новую трудовую мораль, которую можно назвать трансгуманистической. Трансгуманизм способствует более адекватному восприятию человека в союзе³ с техникой, усвоению императива о необходимости постоянного саморазвития, отношению к себе и окружающим как к конкурирующим «само-предприятиям».

Принцип «экологичности»

Наряду с изменением человека, отношения человека к технике и другому человеку меняются и отношение человека к природе. Международная «экологическая» повестка вместе с растущими запросами креативного класса на более экологичные условия жизни и труда [25] приводят к формированию экологичной этики труда. О значении экологии в жизни и деятельности современного человека писали многие мыслители [1; 2; 4; 19; 33; 34; 35; 36]. Актуальным сегодня становится замечание Б. Стиглера о том, что «акселерационизм», культура «авто-

³ Вместе с тем следует обратить внимание на критику трансгуманизма как технологии принципиальной трансформации «человеческого» (в биологическом, физиологическом, психологическом и др. смыслах) [24; 26].

матизации», усложнение современных технологий и алгоритмов приводят человека к тому, что он утрачивает способность мыслить технику адекватно растущим экологическим и техногенным рискам. Экологичная этика труда вместе с бережным отношением к природе как таковой означает необходимость быть образованным, технически грамотным, готовым брать на себя ответственность за профессиональные решения, развивать экспертизу, осуществлять наукоемкий интеллектуальный труд, вести диалог и коммуникацию, быть внимательным к окружающему миру. Необходимость взаимодействия с другими людьми характеризует этику труда как экологичную в широком смысле слова, т.е. направленную на нивелирование противоречивых социальных тенденций позднего капитализма, таких как «разобшение», индивидуализация, утрата долгосрочных и крепких общественных связей, распространение дистанционного формата работы, анонимность в сети и т.п. Таким образом, принцип «экологичности» – как в отношении к природе, так и в коммуникации с другими людьми – становится важным принципом новой этики труда.

Заключение

В данной статье мы предприняли попытку выдвинуть и обосновать гипотезу о возникновении новой этики труда в рамках позднего капитализма. Большинство постулатов и ценностей протестантской этики труда и принципов труда советского общества утрачивают актуальность. Современная капиталистическая этика труда меняется вместе с трансформациями труда и капитализма. Сегодня возникает новый труд, направленный на саморазвитие человека, но в то же время саморазвитие становится негласной обязанностью человека, своего рода «бесплатным» трудом, выходящим за пределы рабочего времени. На смену протестантским ценностям скромности и сдержанности приходит демонстрация потребления, роскоши и достатка. Саморазвитие становится новым источником собственности и богатства, а самореализация – «здоровым смыслом» труда. Новый труд предполагает, что человек обладает широким спектром разнообразных навыков и умений. Ключевыми становятся навыки работы с техникой и различным программным обеспечением, а также способность к постоянному обучению и переподготовке. В свою очередь данные факты предполагают симбиоз человека и техники. Со-

временный труд – это результат синергии человека и техники. Союз человека и техники актуализирует техническое знание и способствует формированию профессиональных сообществ и коллективов.

Вместе с тем происходят изменения в отношениях работодателя и работника, начальника и подчиненного, коллег и товарищей. Перманентная необходимость дообучения, индивидуализация, конкуренция на рынке труда, развитие гибких подходов в управлении креативными командами, а также новые условия труда способствуют, во-первых, изменению моделей построения карьерных траекторий (лояльность работника одному работодателю становится неэффективной тактикой профессионального развития), во-вторых, горизонтализации вертикальных связей, в-третьих, формированию общества «само-предприятий», предполагающего отношение к другому человеку как к непрерывно развивающемуся и функционирующему автономному предприятию. Постоянное повышение требований к квалификации, навыкам и умениям работников вместе с принципом конкуренции означает необходимость постоянного развития и переобучения человека. В то же время это приводит к формированию новых ожиданий от труда – труд должен развивать. Продуктивность и прагматичность становятся атрибутами выбора и организации труда.

В условиях позднего капитализма меняются представления человека о вознаграждении за труд. Сегодня в качестве справедливого и целесообразного эквивалента, получаемого в обмен на труд, человек ожидает самореализации (как самоосуществления), в т.ч. общественного признания или признания со стороны представителей определенной социальной группы (профессионального сообщества, коллег, семьи и т.д.), расширенных возможностей потребления и новых условий труда. К новым распространенным условиям труда можно отнести феномены дистанционного и гибридного формата работы, гиг-занятость, диффузию рабочего и свободного времени, потребление. Таким образом, потребление парадоксальным образом становится целью, условием и содержанием труда.

Плацдармом развития новой этики труда является изменение человека. Развитие трансгуманистической морали способствует включению человека в новый труд, а также союзу человека и техники. Важным становится принцип «экологичности», который следует пони-

мать в широком смысле слова – как требование бережного отношения к природе и уважительной коммуникации друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
4. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
8. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005.
9. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96.
10. Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
11. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
12. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии: сборник научных трудов. М.: ИТРК, 2009. С. 28–29.
14. Миронов Б. Трудовая этика российского работника: XIX–XX вв. // Культуролог. URL: <https://culturolog.ru/content/view/3779/92/>
15. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 72–87.
16. Погребняк А. Дефетишизировать свободное время: от акрасии – к профанации // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 159–188.
17. Подорога Б.В. Краткий очерк истории мнемотехник Бернарда Стиглера // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 4. С. 42–47.
18. Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? М.: Алетейя, 2018.
19. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
20. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // Художественный журнал. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775>
21. Стиглер Б. Искусственный интеллект – это искусственная глупость. URL: <http://colta.ru/articles/society/21731-bernar-stigler-iskusstvennyu-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost>
22. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.
23. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
24. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.
25. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Классика XXI, 2012.
26. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002.
27. Хайек Ф.А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.
28. Chowdhury, H., 2023. Elon Musk says people are ‘already cyborgs’ because machines maintain our memory for us. URL: <https://www.businessinsider.com/elon-musk-cyborgs-machines-ai-technology-2023-6>
29. Dean, J., 2014. Communicative capitalism and class struggle. Spheres: Journal for Digital Cultures, Vol. 1, no. 1, pp. 1–16.
30. Green, T.H., 1888. Lecture on liberal legislation and freedom of contract. In: Nettleship, R.L. ed., 1888. Works of Thomas Hill Green. Vol. III. Miscellanies and memoir. London: Longmans, Green, and Co., pp. 365–386.
31. Van Parijs, P., 1995. Real freedom for all. What (if anything) can justify capitalism? Oxford: Oxford University Press.
32. Stiegler, B., 1998. Technics and time, 1: The fault of Epimetheus. Stanford: Stanford University Press.
33. Stiegler, B., 2015. Automatic society 1: The future of work – Introduction. La Deleuziana. Online Journal of Philosophy, no. 1, pp. 121–140. URL: <http://www.ladeleuziana.org/wp-content/uploads/2015/05/Stiegler.pdf>

34. Stiegler, B., 2015. La société automatique. T. 1. L'avenir du travail. Paris: Fayard.

35. Stiegler, B., 2018. Artificial stupidity and artificial intelligence in the Anthropocene. Institute of Ereignis, Shanghai. URL: https://www.academia.edu/37849763/Bernard_Stiegler_Artificial_Stupidity_and_Artificial_Intelligence_in_the_Anthropocene_2018_

36. Stiegler, B., 2018. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press.

37. Simondon, G., 2017. On the mode of existence of technical objects. Minneapolis: Univocal Publishing.

38. Wodtke, Ch., 2021. Radical focus: achieving your most important goals with objectives and key results. California: Cucina Media.

REFERENCES

1. Bauman, Z., 2002. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]. Moskva: Logos. (in Russ.)

2. Beck, U., 2001. Chto takoe globalizatsiya? [What is globalization?]. Moskva: Progress-Traditsiya (in Russ.)

3. Weber, M., 1990. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. In: Weber, M., 1990. Izbrannye proizvedeniya. Moskva: Progress, pp. 61–272. (in Russ.)

4. Gorz, A., 2010. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital [The immaterial: knowledge, value and capital]. Moskva: GU-VShE. (in Russ.)

5. Davydov, D.A., 2021. Postkapitalizm i rozhdenie personaliata [Post-capitalism and the birth of the personaliat]. Moskva: RIPOL klassik. (in Russ.)

6. Jamison, F., 2019. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

7. Inglehart, R. and Welzel, K., 2011. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

8. Kant, I., 2005. Kritika prakticheskogo razuma [The critique of pure reason]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

9. Koval, T.B., 1994. Pravoslavnyaya etika truda [Orthodox work ethics], Mir Rossii, no. 2, pp. 54–96. (in Russ.)

10. Collier, P., 2021. [The future of capitalism: facing the new anxieties]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

11. Crouch, C., 2020. Pobedit li gig-ekonomika? [Will the gig economy prevail?]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

12. Magun, V.S., 1998. Rossiiskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie [Russian labor values: ideology and mass consciousness], Mir Rossii, no. 4, pp. 113–144. (in Russ.)

13. Marx, K. and Engels, F., 2009. Manifest Kommunisticheskoi partii [The manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and Engels, F., 2009. Printsipy kommunizma. Manifest Kommunisticheskoi partii: sbornik nauchnykh trydov. Moskva: ITRK, pp. 28–29. (in Russ.)

14. Mironov, B., 2020. Trudovaya etika rossiiskogo rabotnika: XIX–XX vv. [Work ethics of a Russian worker: XIXth–XXth centuries]. URL: <https://culturolog.ru/content/view/3779/92/> (in Russ.)

15. Mayatskii, M., 2015. Osvobozhdenie ot truda, bezuslovnoe posobie i glupaya volya [Liberation from work, unconditional income and foolish will], Logos, Vol. 25, no. 3. pp. 72–87. (in Russ.)

16. Pogrebnyak, A., 2019. Defetishizirovat' svobodnoe vremya: ot akrasii – k profanatsii [Defetishizing free time: from akrasia to profanation], Logos, Vol. 29, no. 1, pp. 159–188. (in Russ.)

17. Podoroga, B.V., 2020. Kratkii ocherk istorii mnemotekhniki Bernarda Stiglera [Essay on Bernard Stiegler's history of mnemotechnics], Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'», Vol. 5, no. 4, pp. 42–47. (in Russ.)

18. Sidorina, T.Yu., 2018. Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie? [Life without work or work for salvation?]. Moskva: Aleteiya. (in Russ.)

19. Srnicek, N. and Williams, A., 2019. Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda [Inventing the future: postcapitalism and a world without work]. Moskva: Strelka Press. (in Russ.)

20. Stigler, B., 2018. Dukh prosveshcheniya v epokhu filosofskoi inzhenerii [The spirit of enlightenment in the era of philosophical engineering], Khudozhestvennyi zhurnal, no. 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (in Russ.)

21. Stigler, B., 2019. Iskustvennyi intellekt – eto iskustvennaya glupost' [Artificial intelligence is artificial stupidity]. URL: <http://colta.ru/articles/>

society/21731-bernar-stigler-iskusst-vennyy-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost (in Russ.)

22. Standing, G., 2014. Prekariat: novyi opasnyi klass [The precariat: the new dangerous class]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

23. Foucault, M., 2010. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

24. Fukuyama, F., 2004. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution]. Moskva: AST; LYuKS. (in Russ.)

25. Florida, R., 2012. Bol'shaya perezagruzka. Kak krizis izmenit nash obraz zhizni i rynek truda [The great reset: how new ways of living and working drive post-crash prosperity]. Moskva: Klassika XXI. (in Russ.)

26. Habermas, J., 2002. Budushchee chelovecheskoi prirody [The future of human nature]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

27. Hayek, F.A., 2018. Konstitutsiya svobody [The constitution of liberty]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

28. Chowdhury, H., 2023. Elon Musk says people are 'already cyborgs' because machines maintain our memory for us. URL: <https://www.businessinsider.com/elon-musk-cyborgs-machines-ai-technology-2023-6>

29. Dean, J., 2014. Communicative capitalism and class struggle. Spheres: Journal for Digital Cultures, Vol. 1, no. 1, pp. 1–16.

30. Green, T.H., 1888. Lecture on liberal legislation and freedom of contract. In: Nettleship, R.L. ed., 1888. Works of Thomas Hill Green. Vol. III. Miscellanies and memoir. London: Longmans, Green, and Co., pp. 365–386.

31. Van Parijs, P., 1995. Real freedom for all. What (if anything) can justify capitalism? Oxford: Oxford University Press.

32. Stiegler, B., 1998. Technics and time, 1: The fault of Epimetheus. Stanford: Stanford University Press.

33. Stiegler, B., 2015. Automatic society 1: The future of work – Introduction. La Deleuziana. Online Journal of Philosophy, no. 1, pp. 121–140. URL: <http://www.ladeleuziana.org/wp-content/uploads/2015/05/Stiegler.pdf>

34. Stiegler, B., 2015. La société automatique. T. 1. L'avenir du travail. Paris: Fayard.

35. Stiegler, B., 2018. Artificial stupidity and artificial intelligence in the Anthropocene. Institute of Ereignis, Shanghai. URL: https://www.academia.edu/37849763/Bernard_Stiegler_Artificial_Stupidity_and_Artificial_Intelligence_in_the_Anthropocene_2018

36. Stiegler, B., 2018. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press.

37. Simondon, G., 2017. On the mode of existence of technical objects. Minneapolis: Univocal Publishing.

38. Wodtke, Ch., 2021. Radical focus: achieving your most important goals with objectives and key results. California: Cucina Media.

